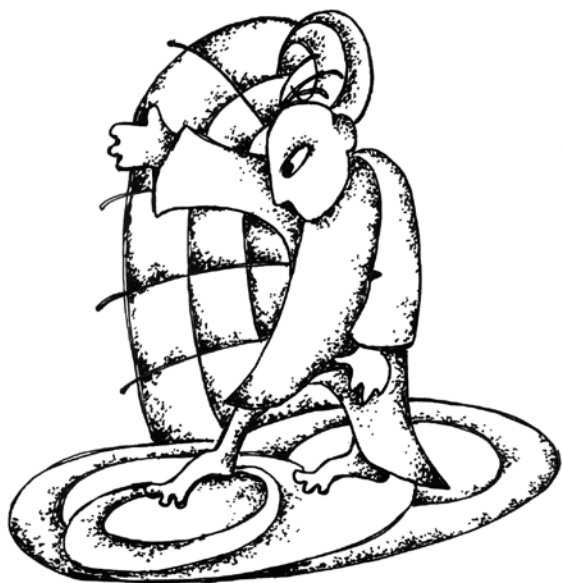

Иная речь — другие города

Содержание цикла:

София Март 7

Нина Матвеева-Пучкова 32

Виктор Пучков 55

София Март

г. Москва

Журналист и писатель. Дебютный сборник рассказов «Ослепительный штиль» вышел в 2012 году; новая повесть автора «Острая кромка» опубликована отдельной книгой в издательстве «Беркхаус» и мультимедийном издательстве И. Стрельбицкого в 2016 году.

Из интервью с автором:

*Верю в то, что жизнь — это путь.
Смотрю по сторонам во все глаза, люблю долгие
разговоры с попутчиками, коллекционирую впечатления
и истории незнакомцев. Лучшие из них записываю.*

Москва — Париж

Я проснулась в Париже. На соседней подушке — Саша, моя университетская подруга, с которой мы дружим уже 8 лет. Должны же в жизни быть хоть какие-нибудь константы.

Когда люди говорят о городах, испестованных мировой любовью — как Париж, Венеция, Нью-Йорк, Петербург, да тот же Львов, — мне всегда обидно за нелюбимые города. Как Москва или Бобруйск — которые вечно то ругают, то общучивают. И вот такие города я всегда с особым рвением стремлюсь полюбить. Хочется их увидеть, почувствовать, просто дать им выговориться.

Так что в Париж я приехала с предубеждением, вооружившись большой графой, в которой давно пора было поставить галку.

Мы приехали в 6 вечера 8 марта. Это было вполне нормально: в России никто не расстроился, что мы не дали ему шанса поздравить нас хорошенько. В Париже нас встретили теплый ветер, полнолуние и целующиеся люди на всех улицах.

Совсем недавно по радио услышала, что во Франции до сих пор не отменен закон, запрещающий целоваться на перронах. Он был введен еще в XIX веке, потому что поезда постоянно опаздывали из-за долгих прощаний влюбленных, и до сих пор на большинстве вокзалов можно найти таблички, где написано, что целоваться запрещено, — более того, почти на всех вокзалах были предусмотрены специальные места для прощания. Однако закон не предписывал никаких санкций за его нарушение, поэтому его никто и никогда не соблюдал.

Мы сняли крошечную квартиру на рю Люлли, в доме напротив Национальной библиотеки Ришелье. Открыв дверь своего вре-

менного дома на мансарде, мы улыбнулись: как только мы зашли, квартира сразу кончилась. Должно быть, примерно в таком месте жил герой «Шагреновой кожи» Бальзака перед тем, как разбогатеть.

В 6 утра по местному времени нас разбудили яркое солнце в окно и сумасшедшие птицы. Чем они занимались на подоконнике, только им самим ведомо, — как только я легла поперек кровати и протянула руки к окну, чтобы открыть его, голуби тут же разлетелись.

В маленькой светлой квартирке было очень уютно утром, но нас мучили фантазии о свежем кофе с теплым круассаном. Умывшись и наспех одевшись, мы вышли на улицу.

В сквере под нашими окнами журчал фонтан, вокруг него на аккуратных скамейках сидели французы с газетами в руках. Все такие из себя «бонжур», в небрежно повязанных шарфиках. Улыбались, как будто с удовольствием встречая утро.

В первые же минуты в Париже бросается в глаза обилие красивых людей. Это делает особенно приятной привычку французов совершенно беспардонно провожать взглядом молодых девушек, которые ходят по улицам.

В Париже цвели нарциссы, бал правила весна. Почти каждую минуту в радиусе трех метров от нас француз целовал француженку, и туристы старались от них не отставать. Это придавало солоноватый оттенок вкусу нашего путешествия. Люди целовались везде: в скверах, парках, на скамейках и под скамейками, на набережных, на мостах и под мостами, в музеях и костелах. Они целовались, стоя в очереди, сидя в кафе, идя по улице, просто так, почти ежеминутно. Сначала это умиляло, потом смешило, потом надоело, потом уже вызывало вопрос, почему мы здесь с подругой вдвоем.

В конце концов это перестало бросаться в глаза и стало чем-то неотъемлемым от образа города.

В самом деле, я не знаю, как можно в Париже не хотеть курить, постоянно пробовать новую еду, пить вино, любить, петь и рисовать. Парижане, кажется, только этим и занимаются. Еще бегают и катаются на велосипедах. Мы даже видели мадам лет 50 от роду,

в босоножках и полусубке, в шикарных солнечных очках, в юбке и жемчугах — она ехала на велосипеде мимо нас, когда мы стояли на светофоре.

Улицы Парижа полны звуков. У Люксембургского сада мы видели шарманщика, у Нотр-Дам-де-Пари вечером играл аккордеон — впрочем, он много где играл. На проплывающих мимо или пришвартованных у берега лодках играли трубачи. У музея Орсе парень играл на пианино, прямо на улице. У Королевского моста чернокожие ребята стучали в барабаны. На острове Сите нам попадались гитаристы, рядом играла и пела целая группа — контрабас, барабаны, гитара, скрипка, певица. Рядом какой-то дядька выдувал огромные мыльные пузыри, а дети, проходя мимо, громко общались об этом мамам и папам.

Вечером мы обнаружили, что Лувр находится в 15 минутах ходьбы от нашей квартиры. В двух шагах от него — знаменитый театр «Комеди Франсе» и первый в мире памятник Мольеру. У театра красивый фонтан, подсвечиваемый ночью. Я шла по его бортику, Саша пыталась меня фотографировать, отмахиваясь от компании клошаров, которые звали ее пить вместе вино.

На мосту Искусств сидели в кругу студенты: в центре подсвечник со свечой, вино, бокалы, огромные тарелки с едой — студенты что-то громко пели и смеялись. Мы обратили внимание на тысячи замочков, которые оставили влюбленные на стенках моста: «Анна и Марчелло», «Киса и Володя», «Софи и Ролан». На одном замке значилось Forever alone.

Последнее было мне непонятно. В Париже нельзя остаться без порции любви.

Во второй день мы сидели с Сашей на берегу Сены в кафе, за соседний столик присела пожилая дама. Спросила, как называется мост перед нами. Сен-Мишель. Скоро мы узнали, что старушка родилась в Праге, живет в Лондоне, работает экономистом, приехала на конференцию. Смешная, сморщенная, с переломанными ногтями и волосатой бородавкой на подбородке. Но в аккуратном синем костюме, с шарфиком и красивыми сережками, носит чудесный парфюм, который ей сын подарил. Мы менялись впечатлениями о

Париже, и она сказала, что главная его достопримечательность — это мужчины.

— Представьте себе, даже я тут получила обожателя. В моем-то возрасте! Вы можете в это поверить?

И тут она захихикала, как девчонка.

Я смотрела вокруг и думала, какое счастье быть живой.

Вечером мы стояли с Сашей на Королевском мосту, смотрели на светящуюся Эйфелеву башню. Когда она перестала мерцать, мы продолжили свой путь и ровно посередине моста увидели написанное черной краской до боли знакомое слово из трех русских букв. Когда человеку в Париже больше нечего сказать про жизнь, это пугает.

На третий день в Париже мы встретили Марка. Это произошло возле собора Парижской Богоматери: мы переходили дорогу, а он прислушивался к тому, как мы говорили по-русски. К счастью, Марк отлично знал английский, поэтому мне не составило труда пояснить, что ему не показалось, мы приехали из России, чтобы увидеть город, в котором он живет. Марк провел нас к Сен-Шапель, где мы любовались витражами — в солнечный день они завораживают. Потом он спросил:

— Как долго вы здесь пробудете?

— Десять дней.

— О нет!

— ?!

— Десять лет было бы лучше.

Марк, кажется, объединил все парижские штучки в одном лице. Сама галантность, «эскизе муа, о, пардон, улала, бэлль», привычка насвистывать что-то из репертуара Азнавура, Гинсбура, Гару, Каас или Тирсена. И вечный взгляд, совершенно спокойно и прямым текстом говорящий о намерениях, — причем, должна сказать, в Париже это не вызывало ни возмущения, ни удивления.

Марку около сорока, он мотается по Европе и частенько бывает в России. Мастер спорта по шахматам и по совместительству глава маленького дизайнерского бюро. Звал нас с собой кататься.

До Лондона и Амстердама три часа, до Брюсселя час двадцать. Или куда бы вы хотели? Он любит просыпаться по утрам с мыслью о том, где бы он хотел оказаться сегодня. Когда до другой прекрасной страны тебе ехать (и без всяких виз) всего пару часов, нет ничего проще.

— Недавно меня лишили прав на время, так что своей машиной я все равно пока что пользоваться не могу. Возьмите ее и поезжайте завтра в Версаль. Как вам такая идея?

— Марк, у тебя есть, как минимум, три причины сейчас же взять свои слова обратно.

— Да? Какие?

— Во-первых, мы русские и любим быструю езду. Во-вторых, мы девушки и за рулем мы подобны фашистам в танке. В-третьих, эй, мы почти не знакомы.

— А вот последнее я хотел бы исправить. Вы говорили, что ваша квартира маловата? Оставайтесь у меня! И можно даже не только на оставшиеся дни в Париже, но и подольше.

Я проснулась в Москве через неделю.

Предложение Марка остаться не обсуждалось, об этом даже речи быть не могло. Но вернувшись в немытую Россию, я задумалась, а почему, собственно, мне никогда бы не пришло в голову согласиться или обдумать предложение остаться с кем-то малознакомым в Париже.

Быть свободной настолько, чтобы соглашаться на подобные предложения или мечтать о них значит быть достаточно одинокой, чтобы с уверенностью заявить, что мне не к кому возвратиться назад. Это было бы драматично, вы знаете... Но снова проснувшись в своей квартире на «Юго-Западной» и в полном одиночестве, я решила, что с Марком могло быть всего две причины для отказа: либо я трусиха, либо он не тот мужчина, с которым я согласилась бы отправиться даже в рай, не то что — в Париж.

Однако есть воспоминание, связанное с Марком, за которое я всегда буду ему благодарна. Одним очень теплым вечером он назначил нам встречу на станции метро «Анверс» — поднявшись наверх, мы попали на Монмартр. На лестнице у церкви Сакре-Кёр кипела веселая пьяная жизнь, хотя времени было 10 часов вечера и день был будний.

Марк достал из портфеля красное вино, камамбер, багет и сказал: «Посмотрите вниз. Весь Париж у ваших ног!» В других обстоятельствах вряд ли нашлась бы фраза пошлее этой. Но было начало марта, цвели сады, рядом пели и танцевали счастливые люди, справа сидела Саша, слева Марк насвистывал вальс Амели, вино было отличное, сыр был очень вкусным. Я хлопала в ладоши и подпевала, мыча от удовольствия. И мыслей в голове не было совершенно ни одной.

Я не хотела бы жить в Париже, но Монмартр, конечно, меня покорила. В следующий раз мы вернулись туда с Сашей утром, это был наш последний день в Париже. Я выучила маркову фразу «j'aime Paris» и даже кружилась иногда, улыбаясь и глядя на элегантно белые облака над столицей Франции. Мы шурились от солнца, ходили в джинсах и футболках, напевали что-то из «Амели», я снимала на видео девушку, которая пела и плясала на фоне белоснежного бока Сакре-Кёр, и видела всех этих художников.

В Париже, как нигде в мире, людям необходимо помнить о своей половой принадлежности и совершенно необходимо быть любимыми. Я не знаю, почему. Но если бы в Париже мне не встретился Марк, который ради шутки временами ловил мою руку или целовал меня в висок, говоря: «Какая же ты красивая» — если бы не Марк, я бы могла почувствовать себя несчастной весной в Париже, без следа любви в сердце.

В последний день в Париже я все же заявила, что еще вернусь. Чтобы посетить Оперу, обязательно в вечернем платье, а потом, не переодеваясь, дойти до моста Искусств, там снять туфли на шпильке, сесть по-турецки, пить вино и целоваться.

И есть еще один пункт обязательной программы — медленно и томно танцевать, обнявшись с любимым и закрыв глаза, на набережной Сены ночью, тихо напевая ему на ушко знакомую песню о любви. Это тоже давно клише, но что с того.

Вообще я думаю, что проблема обласканных всеобщей любовью городов в том, что, чем ты тут ни займись, до тебя это здесь уже кто-то делал. И все-таки есть города, в которых забраться ночью на вершину холма и сказать: «Смотри, весь город у твоих ног» или бросить монетку в фонтан, чтобы вернуться, — это как сказать:

«Я люблю тебя». Так все говорят и иногда очень зря, но от этого сами слова в цене не теряют.

Через месяц Марк приехал в Москву, мы гуляли вместе по городу. Мы зашли во французское кафе — проверить, насколько оно правильное, и выпить кофе. Смеясь, я сказала Марку:

— Послушай, ну честное слово, у нас с тобой ничего серьезного не выйдет.

— Но почему?! — снова включился Марк.

— Да потому что вы, французы, всегда отдаете предпочтение форме, а не содержанию. Ну вот смотри, — я указала на горячий бутерброд с сыром, ветчиной и яйцом сверху. — Как это называется?

— Крок мадам.

— А чем он отличается от крок месье?

— Крок месье без яйца.

— И ты согласен с этим?

— Ну... Господи, принцесса парижская и московская! При чем здесь это?!

— Да потому что крок месье с точки зрения содержания должен быть с яйцом, а крок мадам — без! Это же ясно как дважды два!

Марк хохотал, откинувшись в кресле и прикрывая губы салфеткой. Успокоившись, поцеловал меня в висок:

— Seriously, ты должна быть моей. Скажи, что мне сделать? Я готов тебя ждать, добиваться, работать над этим. Только разреши мне это.

Как было объяснить человеку, что я, как минимум, не смогла бы ему этого запретить, если бы он действительно собрался делать все то, о чем говорил так изысканно с французским прононсом.

— Честное слово, Марк, будет уже. Я ведь не ломаюсь.

— Опять закрыто. Я сейчас не уговариваю тебя, но я должен это сказать, и это будут мои последние слова на эту тему, договорились?..

Я с улыбкой моргнула, делая большой глоток остывающего кафе кремме.

— Ты не можешь знать, хорошо будет или плохо, если не попробуешь. Дай мне пару недель, месяцев, лет — как получится.

— Ты торгуешься, дорогой Марк. С женщиной, которая «должна быть твоей», торг неуместен.

В следующий раз Марк прилетел по делам в Москву, мы встретились в фойе метро «Арбатская».

Дважды целуя меня в щеки при встрече, он сказал:

— Ça va?

— Oui, ça va, — ответила я.

Он отошел на шаг назад, оглядел быстрым взглядом с головы до ног и сказал:

— Ooh la la! Неужели ты наконец влюбилась?

— О боже, Марк! Неужели это единственная причина, по которой я могла ответить, что у меня все хорошо?

— Ну знаешь, дорогая. — Он обнял меня за плечо, и мы вместе пошли к выходу. — Все дороги ведут в Рим, а все дела в постель. И только в этом случае они действительно идут хорошо.

Впрочем, иногда Марк говорил интересные вещи.

Например, рассказал, как однажды приехал в Японию и представил заказчику модель проекта, над которым полгода работал вместе с командой его дизайнерского бюро. Они жили этим проектом, дышали им, фонтанировали идеями, видели его в снах — прекрасных и ужасных. В итоге сделали нечто гениальное (по рассказам).

— Ты не представляешь, с какой гордостью я летел к нему на встречу. Знаешь, дорогая, у всех в груди живет орел — так вот, во время того перелета из Парижа в Токио мне казалось, что мы летим не в самолете, а на крыльях моего орла. Это был лучший проект за всю мою жизнь! Просто гениальная идея! Безупречно исполненная! Блестяще оформленная!..

— О'кей. И что?

— Старик открыл футляр. Вертел модель молча и задумчиво. Убирал в коробку, доставал снова. Я не знаю, сколько времени прошло, но я устал улыбаться. В итоге он сказал: «Этот макет не идеален». Кааак? А японец со спокойной миной пояснил: «Когда я открываю коробочку с чем-то новым, я хочу услышать щелчок. Ваша коробочка открывается беззвучно, поэтому мне кажется, что и модель в ней несовершенна». Это был самый мудрый совет, который я услышал за свою жизнь. С тех пор я не останавливаюсь, пока помимо совершенства не придумаю для своей работы еще и этот «клик».

В июне мы встретились с Марком в Петербурге. Марк прилетел на день раньше и пошел в Эрмитаж. Он действительно считал, что каждый раз в Петербурге он обязательно должен пойти в Эрмитаж, и это так скучно, что я даже морщилась. Ну как можно! Летом, когда нет дождя, целые дни тратить на Эрмитаж — каждый раз?! Я имею в виду, когда тебе 36, как Марку, а не 63, как в случае, когда такой сценарий был бы уместен.

На следующее утро после его похода мы встретились в Летнем саду. Он сказал, что будет ждать меня у пруда с лебедями, и это было обязательно. Французы такие французы.

Мы зашли выпить кофе в маленькое кафе у Фонтанки: перед нами настезь открытые окна, мы смотрим на фонтан и розы вокруг него, Летний сад пуст, и я спрашиваю:

— Что ты смотрел в Эрмитаже на этот раз?

— Ничего.

— То есть как?

— Я зашел внутрь, заглянул в окошко кассы и спросил: «Сколько с меня?» Мадам мне ответила: «Сегодня в музее день открытых дверей, посещение бесплатно». Я попросил ее взять деньги и сделать вид, что я пришел завтра. She said: ha-ha-ha. А я не понимаю. Эрмитаж — бесплатно?! Я все-таки зашел. Шел по коридору и чувствовал, что все кругом — дешевая подделка. Вышел через пять минут и сказал, что зайду в другой раз, когда посещение будет платным.

Я сказала: «ха-ха-ха». А потом подумала, что он прав. Настоящие шедевры бесплатно смотреть нельзя, элитарное искусство должно быть элитарным до конца. В Москве это знает каждый фрилансер. Если хочешь казаться круче, чем ты есть, установи цену и никогда не соглашайся сделать или «немножко сделать» что-то бесплатно.

В июле мы с Сашей съездили в Вильнюс. Марк по телефону возмущался, как я могла поехать туда без него. «I know Vilnius like my rocket!» Как это верно! Все города, в которых бывал Марк, легко поместятся у него в кармане, потому что он не погружается в них — это они тонут в нем. Панимаишь? В Петербурге, белой ночью, сидеть на пристани — и пить французское вино под французскую же музыку. Так же как в Лондоне, Брюсселе, Париже, Вильнюсе и прочих городах мира? Нет уж, дудки.

В августе мы гуляли по городу — я молчала и смотрела вдоль Сены, Марк насвистывал вальс Амели. Это он меня научил: «Ты не должна никому ничего объяснять. Если кому интересно — пусть угадает». И тут вдруг положил руку мне на спину и участливо поинтересовался: «Са ва?» «Да, — сказала я, — са ва». Это прозвучало так, будто я отнюдь не жаворонок, а значит, еще не вечер.

В книге кого-то из фэнтезистов у магов было такое приветствие: «Здравствуйте, как поживает ваша сова?» Марк обвинил меня в шовинизме, когда я сказала, что не способна любить иностранца. Рассказывал про орла, когда я говорила, что не собираюсь экспериментировать. Морщился: «Опять закрыто». Целовал в висок всегда неожиданно: «Панимаиць?» Это было мило. Но как можно всерьез относиться к тому, кто не способен оценить шутку про «Как поживает ваша сова»?

Мы шли вдоль Москвы-реки, был теплый солнечный сентябрь, мы ели мороженое. Марк сказал:

— Здесь так ветрено. У тебя холодные пальцы. Ты замерзла?

— Нет, все в порядке.

— Но руки холодные, — сказал он с тревогой, взяв меня за руку. — Знаешь что, спрячь-ка ладошку в задний карман моих джинсов. Вот сюда. Лучше?

Я, смеясь, отняла руку: «Отстань, сколько можно»

— Знаешь что, теперь у меня замерзли руки. В этой вашей России так холодно, сил нет никаких. Можно я тогда погрею руки?

— Хорошая попытка, Марк. В России так не принято, — снова улыбнулась я.

— Ох, какая ты жестокая. Ты хоть видела свою задницу? Боже, что за задница! Ей место в Лувре, честное слово! Рядом с Джокондой.

— Тебе кажется, она улыбается?

— Ха-ха-ха!! — сказал Марк и поцеловал меня в щеку. Я не прекращала есть мороженое даже в эту секунду.

А спустя почти год после нашего знакомства я вдруг поняла, что каждый день помню о его существовании и мне в самом деле интересно, как там поживает его сова. Я собрала чемодан, сказала «oui» и все же перевезла свою задницу поближе к Лувру, где, по словам мужа, ей давно уже — самое место.

Не все дома

Не кажется ли вам, что, по сути, каждый из нас — это два человека: один левый, другой правый? Один полезный, другой никуда не годный?

Кортасар Х., «62. Модель для сборки».

В Петербурге, в том его районе, где он едва ли походит на бывшую столицу, есть улица имени Джамбула. В городе-призраке, на улице имени поэта, который давно умер, не умел писать и пел о том, чего никогда не бывало, есть старый дом. Который давно пора снести.

Там двор-колодец, стертые ступени, странный запах, в подъезде три этажа, на каждом по одной квартире.

Площадь той, что на первом этаже, сложно подсчитать, но впечатляет. Сначала длинный грязный коридор: по левую сторону две комнаты, по правую — дурно выкрашенная стена. В ней углубление непонятного назначения, спрятанное за траченной молью короткой шторкой. Вместо света в конце коридора — прокуренная насквозь мизерная кухня, на стенах которой вместо картин засаленные школьные плакаты про грибы и червей. Широко распахиваясь, легкая дверь каждый раз бьет в лицо четырехлетнему Володе Ульянову за разбитым посеревшим стеклом. Под обоями плесень, на потолке рыжие подтеки, на старом паркете комки пыли.

Узким кругом вокруг стола, липкого от разлитого вина, с серой перхотью сигаретного пепла, сидят люди слишком разные, чтобы найти общую тему. Они постоянно говорят.

— Свобода это хорошо, — сказала Бессонова, выдыхая сигаретный дым, — только страшно.

— По-французски свобода *liberte*, — ответил Третий.

— Уверен? — прищурился Максим.

— Да, — ответил Третий. (Он всегда был уверен.)

Все любили Крошечку Бессонову. Все, даже старшая Бессонова, которая никогда не упускала шанса довести младшую сестру до слез, поступая всегда ей назло.

Больше всех Кроху любил Рома. Он работал с Максимом в баре «Белград» — который в Петербурге возле Перинных рядов, его скоро закроют. Иногда Крошка заглядывала к ним по ночам и бегала взад-вперед перед стойкой, пытаясь заставить густой дым-

ный воздух заворачиваться вокруг нее вихрами. У нее не получалось, Максим на нее за это злился. У Ромы замирало сердце.

Сама Крошка любила только того, с кем спала теперь ее старшая сестра. Она преследовала его даже в метро. Нависала над ним тенью и смотрела пристально, пока он делал вид, что ее не замечает. И думала: «Самый умопомрачительный мужчина, когда-либо рожденный на земле, по определению мог влюбиться только в меня. Потому что ни одна женщина, когда-либо рожденная на Земле, не сумела бы так горячо полюбить каждый его недостаток — так горячо, как я люблю».

Напряженным ищущим взглядом Кроха упрямо гладела на того, кого ясно видела в своих объятиях, своим любовником, другом, мужем. Ненавидела его, обожала, била, отдавалась, рожала его детей и даже (о, Господи!) прощала его за все, — уже целых пять минут своей единственной жизни... Пока Максим, живший теперь с ее старшей сестрой, смотрел будто бы в сторону, бесцельно блуждая взглядом по вагону метро. А она-то, она была все время прямо перед ним! Она, единственная, в которую мог влюбиться этот самый умопомрачительный в мире мужчина.

По ночам лежа на нижней полке двухъярусной кровати в комнате, где жил Максим с Бессоновой, Кроха ждала его с работы. Она спала вообще-то, но, едва заслышав шорох его шагов на рассвете, тут же просыпалась и молча, с обожанием, наблюдала за ним. Пока Максим проходил вглубь комнаты, к окну, потирая красные от усталости и сигаретного дыма глаза. Он медленно стягивал с себя прокуренную футболку, расстегивал залитые текилой и ромом джинсы, кидал их на пол. Потом стоял еще с пару мгновений над кроватью, в которой спала, как пожарник, Бессонова на смятых простынях.

Крошка смотрела на него, а он стоял над старшей. Он стоял там совершенно голый.

Совершенно-голый.

Совершенный, голый!

И захлебываясь то молочной нежностью, то вспененным шампанским робких желаний, каждую ночь она училась любить в первый раз — пока Максим укладывался в постель к ее спящей старшей сестре.

Днем, где-то часов после двух, когда Бессонова заканчивала варить тошнотворную кашу, Крошка шла в комнату к Максиму —

будить его к завтраку. Думала, глядя на него, пока он лежал на постели у окна: «Ты так красив. Ах, как я разбила бы твое сердце! Нежно, кротко, почти бережно, сжала бы в кулачке и стукнула б об острый край — чтоб оно вытекло все, как яйцо». За этим занятием ее заставал обычно Рома, возвращавшийся только тогда в их комнату — спать на двухъярусной кровати, сверху (на нижней спала всегда Кроха). Бурча что-то и путаясь в одеяле, он старался скорее уснуть, когда Максим открывал один глаз и недовольно мычал, что еще не выспался. Где пропадал Рома после работы и до обеда, никто не знал и никогда не спрашивал. Рома был свободен. Именно так свободен, как мечтал Максим.

Они завтракали втроем: Максим, Бессонова и Третий (из-за него подумать о важном никогда не получалось). Крошка, худая, почти бесплотная, сидела на подоконнике и пускала дым (никто никогда не видел, чтобы она ела, а курила она не переставая).

— Зачем вы развесили школьные плакаты по стенам? — спросил Третий, глядя в окно.

— Надо было чем-то закрыть пустое пространство, — ответила Бессонова прикуривая.

Пальцы сжимают белый продолговатый стебель, чудесное ощущение, мягкий стержень нежно касается тонкой кожи. Еле уловимое потрескивание, едва слышное уху; глубокий вдох, медленный выдох.

Бессонова-старшая любила пустить дым через нос, при этом она всегда опускала глаза — что само по себе было ей несвойственно: слишком похоже на кротость. За курением Бессонова активно жестикулировала рукой с зажатой в ней сигаретой (иногда это была правая, иногда левая).

Максим сперва стучал сигаретой по столу, затем подносил ее ко рту и зачем-то дул в угольный фильтр, лишь после этого он касался губами самого краешка сигареты и поджигал.

Когда курил, не жестикулировал совсем, и руки его, обычно нервные, лишь в это время покоились. Впрочем, иногда он брал зажигалку и постукивал ею по столу (сигарету Максим всегда зажимал пальцами правой руки).

Крошечка держала сигарету в левой, потому что в энциклопедии для маленьких принцесс когда-то она вычитала, что если уж женщина курит, то только левой — и без вариантов. И все же ей всегда хотелось научиться, как Максим.

Третий не курил совсем. И пьяным его никто никогда не видел. Поэтому он был вправе высказываться на этот счет от лица великого и ужасного большинства и требовать перестать курить. Его никто не слушал.

— У нас в баре тусуются одни ботаники. Нажираются до синих мух и лезут спорить о высоком, — сказал Максим и постучал сигаретой по столу.

— В фиалке на подоконнике завелась мошкара, — ответила Бессонова, выдыхая.

— А потом они получают диплом и валят служить обществу. В этой стране, — продолжал Максим.

— Ты вообще бармен, — усмехнулась Бессонова.

— А я работаю в офисе, — с гордостью отметил Третий. В обществе это вроде как престижно.

— Потому что мне нужны деньги на мотоцикл, — раздраженно ответил Максим.

— Я была бы идеальной женой, — сказала Бессонова, опуская глаза и пуская дым через ноздри, — тому, кто никогда не женится.

— Сердце это всего лишь двигатель. А вместо любви — по трубкам сжиженный азот. Это опасно, — улыбнулся Максим.

— Хм, что еще мог сказать помешанный на скорости? — одобрительно выдохнула Бессонова.

— Ежедневно в Петербурге погибает 15 мотоциклистов, — сказал Третий голосом статистики.

— Помешанные на скорости — это проявление... Они помешаны на свободе, на том, что не подвластно большинству, что их пугает. Это как другое измерение, что ли, вне их четырех координат. Не «x», не «y», не «z», а «t».

— Это типа время, что ли? — напрягся вдруг Третий. Он, как и «все», этого не понимал.

— Я сегодня работаю во вторую смену, — сказала Бессонова, — Вернусь поздно, не засыпай без меня.

— Хорошо, — машинально ответил Максим, мысленно рассекая пространство на мотоцикле.

Когда Бессонова ушла работать на третий этаж, Максим с Третьим сели за ноутбук играть в гонки вдвоем.

Под вечер своего выходного дня Рома уезжал кататься на мотоцикле с одной из случайных подружек. Он с ними знакомился в «Белграде», который скоро закроют. Аккуратно записывал номер мобильного и наливал исподтишка 50 грамм текилы бесплатно. Особо симпатичным даже собственноручно солил дольку лимона в придачу (так делает Ромин любимый актер, но вообще это неправильно. Именно поэтому он так и делал. А Максим об этом только мечтал). Потом Рома подмигивал новой знакомой и уходил в другой конец стойки работать, на прощанье подняв перед лицом ладонь. В выходной он звонил какой-нибудь из них (способ выбора сам называл «рандомным»: это было модное словечко в «Белграде», который скоро закроют). Всех девушек без исключения он сажал «утром» своего выходного дня на мотоцикл и с той поры именовал «нажопницами». Имена было трудно запоминать. Да и какая, в сущности, ему была разница.

Максим всю жизнь мечтал о мотоцикле. Но никто никогда не слышал, чтобы он говорил об этом прямым текстом.

Вернувшись, Бессонова застала Максима с Третьим на том же месте, за игрой. Она села к ним за стол и прикурила. Держа в левой руке, подожгла еще одну сигарету и с мгновение смотрела на них, игравших с красными глазами. Потом резко захлопнула ноутбук прямо у них перед носом и на все их недовольные крики только и сказала, что «на» Максиму. Они вдвоем молча стали курить, и Третий тоже притих.

— Вот эти грибы ядовитые, — указал пальцем Третий.

— Я давно не была в лесу, — Бессонова выпустила дым сигарет через нос и опустила глаза.

Крошечка вскочила с подоконника и стала дергать Бессонову, выражая готовность отправиться в лес хоть сейчас. Старшая бесстрастно переводила взгляд с пустого подоконника на Максима, потом на Третьего и обратно, будто Кроши не было совсем. Все молчали.

— Но ты ведь так хочешь, — шепнула младшая в самое ухо Бессоновой. — Ты, наверное, и не помнишь уже, как там пахнет...

Бессонова вздохнула: «Может, поехали?»

— На чем? Денег нет, — нахмурился Максим.

— Зачем тебе? Поехали на электричке.

— Ненавижу поезда, ты же знаешь. Сил нет, я устал на работе.

— У тебя выходной завтра, — напомнил Третий.

Бессонова выдохнула через нос, прикрыла глаза. Максим встал из-за стола и ушел в комнату кому-то звонить. Крошка продолжала теревить сестру, уговаривая ехать в лес вдвоем. «Когда ты исчезнешь наконец?» — прошептала ей Бессонова и вышла. Она пыталась закрыться в ванной, но младшая проскользнула за ней.

— Я так устала от вашего дыма. Я уже не помню, как пахнет свежий воздух, — ныла Кроха.

— Почему бы тебе тогда не бросить курить? Или не уйти куда подальше? Ты так меня достала, я не хочу ничего помнить, неужели ты не понимаешь? Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? — спросила Бессонова, плача от злости.

— Почему ты так? Мы же с тобой такие одинаковые! — заплакала Крошечка.

— Ну да, — усмехнулась Бессонова, — Ты слушаешь французский рэп, а я Эдит Пиаф и Билли Холидей... потому что Максима только они не раздражают...

— Они француженки!

— Только одна.

— Мы любим Максима!

— Только ты. И научись наконец говорить в прошедшем времени. В конце концов, кроме него ты ни к чему не имеешь отношения.

— Как ты можешь? Максим абсолютно великолепен — сейчас. Опять с трехдневной щетиной, сегодня поздоровался со мной молча: чмокнул в щеку, жуя что-то, и прошел мимо. И его эта манера не интересоваться даже формально, как у меня дела, сводит меня с ума окончательно.

— Ненавижу его за это. Выйди вон, я помоюсь и лягу спать.

Крошечка Бессонова, засыпая одна в своей кровати, мысленно повторяла про себя:

Максим не спрашивает, делает молча и без предупреждения то, что решил — как угодно, хоть насильно.

Максим жесток, но уверен.

Максим резок, но справедлив.

Он может ошибиться, но не спасовать.

Максим снисходительно улыбается в ответ на мой лепет и молча утирает слезы моих истерик своей большой сухой ладонью.

Максим не кричит о любви — он просто бывает рядом.

Он невыносим.

Я люблю его невыносимо.

Мечтая перед сном, Бессонова-старшая твердила, как заклинание:

Мой мужчина не спрашивает, делает молча и без предупреждения то, что решил — как угодно, хоть насильно.

Мой мужчина жесток, но уверен.

Мой мужчина резок, но справедлив.

Он может ошибиться, но не спасовать.

Мой мужчина снисходительно улыбается в ответ на мой лепет и молча утирает слезы моих истерик сухой ладонью.

Мой мужчина не кричит о любви — он просто бывает рядом.

Он невыносим.

Я буду любить его невыносимо.

Подумав так, Бессонова села на постели и глянула на Максима, спавшего рядом и видевшего тревожные сны (как всегда). Крошка, заметив ее, тут же прибежала и присела на полу у ног старшей сестры. Бессонова только горестно вздохнула, глядя на младшую:

— Девочка моя, я его так знаю... Буквально читаю. Это так легко, что даже страшно.

— Как ты можешь знать, о чем думает другой человек?

— Со временем смогла. Теперь это легко... Когда он думает или не думает обо мне. Остальное меня не интересует.

— Да мало ли! Завтра будет по-другому. Зачем тебе знать это?

— Крошечка, незачем. Но знаю точно. Это так легко, что даже страшно.

— Ты не можешь уйти от него. Мы больше никому не нужны, — снова плакала младшая.

— Я не уйду от него. Но мы ему не нужны.

— Ты ведь знаешь, что хуже станет только тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru